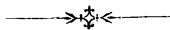

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.
1910.

(съ приложеніемъ одного портрета и пятидесяти шести рисунковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Оогр., 9 лпн., № 12.

1912.

фразы: «Самое названіе «Байрамъ-Али» происходитъ оттого, что въ прежнія времена цвѣтущаго Мерва, при султанѣ Магометѣ Али, въ мѣстности этой, представлявшей собой рай земной, Али справлялъ свой праздникъ «Байрамъ» (стр. 157). При той степени знакомства съ исторіей Мерва, о которой свидѣлствуетъ эта фраза, неудивительно, что, по мнѣнію автора, Мургабъ и Тедженъ «въ древнія времена», въ томъ числѣ еще при «персахъ и арабахъ» были «притоками Оксуса», что въ Мервѣ еще въ X в. господствовали «турецкіе султаны», что устройство оросительной системы, подробно описанной арабскими географами X в., приписывается султану Аль-Арслану¹⁾, что гробница султана Санджара (или Сянджара), построенная по однимъ извѣстіямъ еще самимъ султаномъ, по другимъ — однимъ изъ его слугъ²⁾, разсматривается какъ памятникъ, воздвигнутый благодарнымъ населеніемъ; что авторъ нигдѣ не нашелъ «прямыхъ указаній» на существованіе въ Мервѣ «уже при султанѣ Санджарѣ» культуры хлопчатника, тогда какъ о мервскомъ хлопкѣ говорятъ уже авторы X в.³⁾ (стр. IX—X и 158). Книга Э. Р. Барца лишній разъ показываетъ⁴⁾, какъ мало извѣстны труды русскихъ ученыхъ по исторіи и археологін Востока русскому образованному обществу, не исключая и тѣхъ его представителей, которые «принимаютъ близко къ сердцу все, что касается развитія археологін въ Россіи».

В. Б.

365. Ковровыя издѣлія Средней Азій изъ собранія, составленнаго А. А. Боголюбовымъ. Выпускъ I, С.-Пб. 1908. Стр. I—XII, табл. I—XXIV. Выпускъ II, С.-Пб. 1909. Стр. XIII—XXII, табл. XXV—XLIII.

Знаменитые туркменскіе ковры прежняго производства уже исчезли изъ обращенія и въ настоящее время являются украшеніемъ музеевъ, отчасти русскихъ, но болѣе европейскихъ. Традиціонность⁵⁾ рисунка еще держится и теперь, но многія подробности утратились, онѣ или упростились,

1) Автора, очевидно, ввело въ заблужденіе названіе плотины «Султанъ-бендъ», но это названіе объясняется позднѣйшими преданіями о султанѣ Сянджарѣ, какъ строителѣ Мерва (В. А. Жуковскій, Развалины Стараго Мерва, стр. 71, 86 и 174).

2) Ibid., стр. 30 и 34.

3) Ibid., стр. 17, 20 и 21.

4) Ср. объ этомъ ЗВО. XVIII, прилож., стр. 24.

5) Рисунокъ ковра запоминается механически, при полномъ отсутствіи какихъ-либо пособій. Дѣвочки учатся ткать подъ руководствомъ пожилой или старой туркменки, которая твердо помнитъ рисунокъ, заученный ею съ дѣтства, и передаетъ его новому поколѣнію безъ измѣненій, а это поколѣніе, въ свою очередь, передастъ усвоенный имъ мотивъ слѣдующему и такъ далѣе. Вотъ отчего сохраняется традиція рисунка. Если почему либо рисунокъ забыть, онъ уже не можетъ быть восстановленъ и тогда исчезаетъ изъ обихода навсегда.

или измѣнились, конечно, къ худшему; совершенство техники понизилось вслѣдствіе условій рынка; но особенно пострадала окраска шерсти, такъ какъ дешевыя, но непрочныя анилиновыя краски быстро вытѣснили мѣстные — растительныя.

У насъ, въ Туркестанскомъ краѣ, мало кто интересовался туркменскими коврами сколько нибудь серьезно, и систематическаго собиранія ихъ тамъ не было. Исключеніемъ является недавно скончавшійся ген. отъ инфантеріи А. А. Боголюбовъ, который недолго занималъ (съ 1898 по 1901 г.) постъ начальника Закаспійской области и въ это время съ увлеченіемъ сталъ собирать туркменскіе ковры, преимущественно старыя; т. е. взялся за это дѣло тогда, когда многіе ковры были уже вывезены изъ края и главнымъ образомъ за границу. Всего въ коллекціи ген. Боголюбова оказалось 139 номеровъ, изъ которыхъ лучшая часть, въ количествѣ 40 экземпляровъ, была имъ поднесена въ даръ музею Императора Александра III. Наградой за такое дѣльное пожертвованіе послужило ассигнованіе ген. Боголюбову значительной суммы денегъ (кажется, 39.000 р.) на изданіе его коллекціи ковровъ. Первый выпускъ альбома заключаетъ въ себѣ 24 хромолютографическія таблицы, второй выпускъ состоитъ изъ 19 таблицъ; всѣ таблицы исполнены въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. О достоинствѣ исполненія таблицъ распространяться не приходится: только что названное учрежденіе говорить за себя дѣломъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

А. А. Боголюбовъ не ограничился простымъ описаніемъ туркменскихъ ковровъ, но поставилъ себѣ болѣе широкія задачи, которыя и изложилъ въ своемъ предисловіи, напечатанномъ на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ.

Европейская литература о восточныхъ коврахъ довольно обильна, но она въ сущности очень мало содержательна, въ особенности относительно орнамента, его смысла и происхожденія. Тутъ пока можно еще писать что угодно и какъ угодно. Для примѣра укажу на брошюру «Der orientalische Teppich als Vorbild, Kritik und Vorschläge». Von Julius Janitsch (Breslau, 1891), въ которой авторъ подъ видомъ глубокомысленныхъ разсужденій преподноситъ читателю наборъ вычурныхъ, но въ сущности никому непужныхъ фразъ. Возьмемъ образчикъ наиболѣе дѣловой стороны статьи¹⁾:

1) Я остановился для примѣра на этомъ сочиненіи потому, что заглавіе его очень заманчиво и подходило къ темѣ, затронутой ген. Боголюбовымъ. Объ изданіи *Altorientalische Teppiche*, herausg. von K. K. Oester (Leipzig, 1908) я не говорю, такъ какъ имъ ген. Боголюбовъ, кажется, и не могъ воспользоваться по времени выхода въ свѣтъ этого труда.

«Самое важное при изученіи этихъ ковровъ, это внимательная, кропотливая разработка ихъ художественныхъ качествъ, такъ сказать — артистически окрашенной поверхности ихъ. Особое вниманіе надо отдать тремъ ихъ элементамъ: поверхности, рисунку и окраскѣ, изъ которыхъ каждый, по отношенію одинъ къ другому, составляетъ дополненіе къ гармоническому цѣлому. Что же касается художественной стороны орнаментовъ, то въ нихъ, независимо отъ остального, можно различить три категоріи: первую, представляющую мотивы специально изъ царства растительнаго — роскошно переплетающіеся между собою цвѣты (древніе дивные образцы этихъ ковровъ представляли фигурныя изображенія предметовъ); вторую — исключительно геометрически правильные рисунки, и третью, или смѣшанную, изображающую строго геометрическія фигуры рядомъ съ сложно-правильными арабесками изъ міра растительнаго» (стр. 8—9). Согласитесь, что сказать все это, значить ничего не сказать. Далѣе: «Возможно, что сама природа — преимущественно растительный міръ — всегда во всѣхъ своихъ очертаніяхъ стихійно правильная, съ помощью первоначальной, хоть и грубоватой техники, положила начало къ подражанію ей. Слѣдствіемъ такого пріурочиванія извращенныхъ формъ растительнаго міра къ геометрически-правильному основному плану явилось исполненіе ковровъ извѣстнаго монгольскаго и туранскаго типа, дающихъ весьма назидательное поученіе» (стр. 9). То, что мною сказано о произволѣ писать что угодно, до нѣкоторой степени подтверждается этою выпискою. Я ничъ основываетъ свои положенія, между прочимъ, на монгольскихъ коврахъ, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ, такъ какъ монголы ковровъ не изготовляютъ, а потому назидательность этого факта будетъ нѣсколько иная, чѣмъ думаетъ нашъ авторъ. «Не смотря на разнообразіе рисунковъ, подобранныхъ восточнымъ человѣкомъ изъ окружающей его природы для составленія имъ этой сложной орнаментаціи, онъ сумѣлъ, какъ никакъ, распредѣлить ихъ съ несомнѣнно художественнымъ вкусомъ, согласно требованіямъ чистой архитектурной планиметріи» (стр. 9—10). Это общее мѣсто, противъ котораго ничего возразить нельзя, но и дѣло отъ этого ничего не выигрываетъ. Мысли о красочной гармоніи изложены довольно подробно и тамъ встрѣчаемъ такія заключенія: «Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, какое преимущество, благодаря своему искусному подбору красокъ, представляютъ передъ всѣми другими эти восточные ковры, и какую невоснаградимую потерю потерпѣли бы мы, если бы когда нибудь утерли этотъ наглядный источникъ природы, изъ котораго по временамъ непосредственно и исключительно черпаемъ наши познанія о неподдѣльности и благородствѣ настоящихъ красокъ. Не будь у насъ подобнаго источника, мы, при

нашей современной системѣ красокъ, непременно впали бы или въ полнѣйшій варваризмъ, или же въ совершенную несостоятельность» и т. д. (стр. 14). Думаю, что если бы эти и другія, подобныя имъ тирады не были напечатаны, никто оттого ничего не потерялъ бы. Или: «Для насъ болѣе важны свѣдѣнія съ критеріемъ на красоту восточныхъ орнаментовъ. Мы узнали, что эта послѣдняя, совершенно особенно приспособленная къ анализу, должна быть шире понята, чѣмъ на теоріи, иначе сказать, осязаемо схвачена. Намъ она представляется въ видѣ сложной, строго стильной ткани, въ совершенствѣ, какъ по размѣрамъ фигуръ, такъ и по окраскѣ. Съ одной стороны, какъ самъ рисунокъ со своей правильно размѣренной плоскостью, предназначенной для украшенія пола, строго послѣдователенъ, такъ, съ другой, и многоцвѣтная система окраски этой послѣдней, которую принято называть стилемъ ткани, придерживается того же самаго, т. е. строгой послѣдовательности. Цѣль сюжета и естество матеріала соотвѣтствуютъ, какъ нельзя лучше, одно другому — придаютъ стилю ковра классическую чистоту и, такимъ образомъ, прочно утверждаютъ за нимъ пальму первенства» (стр. 15).

Въ такой приблизительно обстановкѣ очутился А. А. Боголюбовъ, когда задумалъ объяснить ковровый орнаментъ съ цѣлью рѣшенія вопросовъ о происхожденіи туркменской части населенія Закаспійской области и взаимной связи населяющихъ ее туркменскихъ племенъ. Впередъ надо было ожидать, что подобная попытка не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Орнаментъ ковровъ, его стиль и стилизація совсѣмъ не изучены. Есть одна любопытная попытка осмыслить древній рисунокъ, она принадлежитъ Карлу фонъ-денъ-Штейнену («Prähistorische Leichen und Ornamente», Berlin, 1896), который объяснилъ два мотива въ первобытномъ орнаментѣ: изображеніе змѣи и аиста. Боголюбовъ отвергъ эту теорію, находя, что подобное синтетическое мышленіе врядъ ли могло быть свойственно первобытному человѣку (Введение, стр. VI). Но гр. А. А. Бобринской съ успѣхомъ примѣняла ее къ дагестанскимъ коврамъ и объяснилъ, что шашечки на полѣ ковра, раздѣленныя на четыре части, означаютъ гнѣздо аиста съ четырьмя птенцами, а зигзагообразныя линіи — змѣй¹⁾. Шашечка — необходимая принадлежность туркменскаго ковра, но только она называется персидскимъ словомъ *румъ* — «роза», зигзаги тоже появляются въ разныхъ видахъ. Стало быть, основаніе всетаки для этой теоріи существуетъ. Чтобы сколько нибудь приблизиться къ рѣшенію затронутаго вопроса, я думаю

1) Гр. А. А. Бобринской, О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи. Москва. 1902. (Труды Ярославскаго областнаго археологическаго съѣзда).

предложить слѣдующій приемъ: прежде всего необходимо войти въ довѣріе къ туземнымъ мастерицамъ и попытаться узнать у нихъ до мельчайшихъ подробностей названія всѣхъ частей рисунка ковра, каждаго отдѣльныхъ черточекъ; а затѣмъ, если возможно, то добиться, какъ онѣ сами представляютъ себѣ мотивы, которые изображаютъ на коврѣ. Быть можетъ данныя языка до нѣкоторой степени помогутъ намъ освѣтить это дѣло, не даромъ интересующее этнографовъ нашего времени.

А. А. Боголюбовъ не легко отказался отъ мысли, что коверъ непременно есть изобрѣтеніе кочевника. Онъ уступилъ только передъ древностями Ассиріи, хотя можно привести и другія соображенія; такъ, довольно вспомнить мѣоъ о состязаніи Аяины съ Арахнею въ искусствѣ исполнять цвѣтныя ткани, или болѣе реальный фактъ: ковровую выкладку въ египетскихъ пирамидахъ, или ковровую роспись въ греческихъ погребальныхъ склепахъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. Тѣмъ не менѣе генер. Боголюбовъ выставилъ въ рѣшительной формѣ два положенія: 1) «У кочевниковъ коверъ не прихоть, а необходимость, безъ которой ни богатый, ни бѣдный, обойтись не можетъ» (стр. IV). Если бы рѣчь шла о войлокѣ, то авторъ былъ бы правъ, но относительно ковра онъ нѣсколько увлекся, такъ какъ далеко не всѣ кочевники имѣютъ ковры и умѣютъ ихъ ткать. 2) «Туркменскій коверъ, дѣйствительно, былъ и есть ближайшій спутникъ всей жизни туркменъ, во все время ихъ кочевого существованія» (стр. IV). Иными словами: предки туркменъ принесли съ собою свой національный орнаментъ изъ своей первоначальной родины въ Закаспійскую область. Доказать это, конечно, невозможно, а предполагать можно и обратное, а именно: ковровое производства у туркменъ возникло послѣ переселенія ихъ въ настоящее мѣсто жительства подъ вліяніемъ Персіи, Кавказа, а можетъ быть и Малой Азіи.

Н. Веселовскій.

366. E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur. [Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Vol. VI, Extra No. Calcutta, 1910, pp. VI+43].

Начало XX столѣтія обогатило довольно скудную джагатайскую литературу нѣсколькими цѣнными находками и изданіями. Благодаря энергичнымъ стараніямъ госпожи А. Бевериджъ туркологи получили прекрасное воспроизведеніе интереснѣйшаго Хайдарабадскаго списка «Бабурнама»¹⁾; «Шейбани-нама» Мухаммеда Салиха появилось въ новомъ, кри-

1) Annette S. Beveridge. The Babar-nama (Fac-simile). E. J. W. Gibb Memorial, volume I. Leyden and London. 1905. Пока въ Петербургъ не вернется Керовскій списокъ, я не смогу исполнить своего давнишняго намѣренія отозваться на это изданіе и на рядъ